

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 174–183.

УДК 801.541.2

Л. Н. Захарова

ЛИНГВИСТИКА ИЛИ ЭКСТРАЛИНГВИСТИКА? ТЕОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОННОТАТИВНОГО КОМПОНЕНТА ЗНАЧЕНИЯ

В традиционной лингвистике коннотативный компонент связывают с прагматической зоной семантики, он узуально или окказионально включается в структуру лексического значения слова. Однако понимание границ и сути коннотации представителями разных школ трактуется по-разному в связи с многоаспектностью и междисциплинарностью термина “коннотация”. Сам термин “коннотировать” — из латинского *con-notare* — *со-замечать* — впервые появился и получил широкое распространение в логических исследованиях 19 века, в частности в работах Дж. Ст. Милля. Рассматривая антитезис “денотация — коннотация” вместо “экстенция — интенция”, Дж. Ст. Милль под первой понимал субъект, а под второй — характеристику этого субъекта (денотация объекта) [1,252]. Слово *белый*, например, обозначает все белые предметы: *снег, бумагу, морскую пену* и так далее, и косвенно коннотирует, или указывает, на признак белизны [1,253]. Таким образом, значение термина “коннотация” в данной концепции приравнивается к понятию интенционала значения.

В языкознании идея созначения была введена А. Арно и К. Лансло. Основывая свои исследования о природе слов и их значений на логических теориях, авторы “Грамматики общей и рациональной” считают основными различиями имен существительных и имен прилагательных их категориальные значения: первые обозначают объекты, а вторые — свойства этих объектов. Последним, как логическим категориям в грамматическом плане, соответствуют коннотации.

Термин “коннотация” уже в середине 19 века был широко распространен в английской лексикографической литературе, связанной с теорией и практикой составления синонимических словарей. К этому времени сложилось два понимания смысла термина. Э. Дж. Уотли, сравнивая синонимы *праведный* и *справедливый*, коннотациями называет добавочные (модальные, оценочные и эмоционально-экспрессивные) элементы лексического значения, включаемые непосредственно в толкование слова. С другой стороны, лексикографы к коннотациям относили узаконенную в данной среде оценку вещи или иного объекта действительности, не входящую непосредственно в семантику слова.

Понимание коннотации в качестве созначения прочно укрепилось в языкознании после выхода в свет работы К. О. Эрдмана “Значение слов”. Исследуя вопросы синонимии немецкого языка, ученый приходит к выводу о трехкомпо-

ненности структуры значения слова. Она включает понятийное содержание, общее для синонимов, попутный смысл и чувственную ценность, рассматриваемые в последующих теориях как коннотации. По К. О. Эрдману, попутный смысл и чувственная ценность принадлежат значению слова в такой же мере, как и понятийное содержание, и возникают в сознании вследствие языкового употребления слова [2,107]. Вслед за К. О. Эрдманом, Г. Шпербер выдвигает на первый план своего исследования названные компоненты значения и с психологической точки зрения объясняет роль попутного смысла и чувственных элементов в процессе диахронических изменений семантики [2,38-44].

В современной лингвистике выделяют три основных направления коннотативных исследований. Первое принято называть семиотическим, у истоков которого, как и стилистического ответвления, стоит Л. Блумфилд. В соответствие с его бихевиористской концепцией значения, то есть применения слов в заданной ситуации с целью вызвать определенную реакцию у слушающего, коннотация понимается широко и трактуется в качестве явления неустойчивости семантики. Это вся дополнительная информация к десигнату, которая указывает на определенный уровень речи, обусловленный социальными, территориальными, профессиональными и культурными факторами. Более того, Л. Блумфилд включает в понятие коннотации особенности произношения заимствованных слов, нарушения в стилистическом использовании лексических единиц, эвфемизмы, табу, а также интонацию восклицания, междометия, порядок слов и другие грамматические средства, способствующие выражению эмоций [3,160]. Такое понимание, по нашему мнению, является одним из начальных этапов исследования коннотации, так как охватывает понятия, дифференцированные современными лингвистами как принадлежащие ведению стилистики, социолингвистики, диалектологии, прагматики.

Описанная экстралингвистическая теория Л. Блумфилда в дальнейшем стала исходным моментом для отнесения понятия коннотации к ведению других наук, например, семиотики. Рассматривая коннотаторы в качестве признаков, по которым говорящий делает выбор между языковыми стилями, диалектами, жаргонами, Л. Ельмслев считает явление коннотации знаковой системой. Если обозначить буквами составляющие языкового знака: *E* — план выражения, *S* — план содержания, *R* — значение, а цифрами — разные знаковые системы, то коннотативной является система *2ERS*, которая в план своего выражения включает другую знаковую систему *1ERS* через компонент *E*. По мнению Л. Ельмслева, наиболее распространенные случаи коннотации представлены “сложными системами, где роль первой системы играет естественный язык (например, литература)” [4,369]. В трудах последователя Л. Ельмслева Р. Барта коннотация представлена суммой структурированных элементов определенного миропонимания или идеологии, системой, знаки которой черпаются из некоего культурного кода. Р. Барт полагает, что будущее принадлежит коннотативной лингвистике, так как в человеческом обществе на базе первичной системы (естественного языка) постоянно возникают системы вторичных смыслов. Этот процесс непосредственно соприкасается с проблемами истории и антропологии.

В отечественной психолингвистике исследование коннотации связано с именами А. А. Леонтьева, А. А. Залевской, В. А. Масловой и других, в зарубежной — Ч. Осгуда, Дж. Диза, Р. Ромметвейт. Ученые связывают понятие коннотации с ассоциациями, эмоциональной организацией речи и, отчасти, — с ее культурно-национальным аспектом.

Самым многочисленным является собственно лингвистическое направление исследования коннотации. В его рамках выделяют три ответвления: а) стилистическое; б) лексикологическое, или собственно лингвистическое; в) страноведческое и культурологическое. Представители стилистического ответвления в изучении коннотативного компонента основываются на теориях Л. Блумфилда и Ш. Балли. Ш. Балли противопоставляет в значении интеллектуальную и эмоциональную сферы отображения действительности. Согласно его стилистической теории, эта дихотомия соответствует двум функциям: 1) идентификации, которая состоит “в нахождении чисто рассудочного выражения идеи”; 2) функции экспрессивности, выражения отношений, связывающих обозначение действительности с ее эмоциональным восприятием и стремлением передать это восприятие реципиенту [5, 128-129]. Включая коннотацию в понятие экспрессивности, Ш. Балли считает последнюю совокупным продуктом, который выражает отношение субъекта речи к обозначаемому и создается множественными средствами: это различные стилистические приемы, интенсивность, образно-ассоциативное восприятие, эмоциональное отношение субъекта речи к объекту и т. д. Причиной такого обилия экспрессивных средств ученый считает “ассоциации, порожденные присутствием в памяти выражений, аналогичных данному, создающих своего рода бессознательную синонимию” [5, 120]. Эти факты и объясняют, почему коннотация является одной из самых неограниченных областей исследования в стилистике, семантике и прагматике.

С самого начала возникновения стилистики внимание ученых, рассматривающих коннотацию (экспрессивность) в общесемиотическом плане, было сосредоточено на динамике языка (речевой деятельности) и проблемах анализа целостного текста. В рамках данного направления выделяется множество концепций, которые К. А. Долинин объединяет в четыре группы. Представители описательной стилистики (Ш. Балли, Ж. Марузо, К. А. Долинин и другие) связывают понятие экспрессивности с имплицитным социально-ролевым коммуникативным подтекстом и считают его основой стилистических средств различных номинаций, форм вежливости и т. д. В имплицитном уровне содержания ученые выделяют те же уровни, что и в эксплицитном — дополнительные сведения о референтной и коммуникативной ситуации, являющиеся результатом ассоциирования с объективной информацией текста и картиной мира субъекта речи.

Функционально-стилистическое направление базируется на обобщенном понятии стиля В. В. Виноградова. Поэтому под коннотацией понимаются особого рода маркеры, определяющие стилевую принадлежность языкового знака, дополнительные (экспрессивные) или функциональные свойства, которые

ограничивают возможности его употребления определенными сферами и условиями общения. Изучение способов создания экспрессивности в функциональной стилистике ограничивается сопоставлением экспрессивных единиц и их нейтральных коррелятов.

Промежуточное положение между функциональной и описательной стилистикой по выбору аспектов исследования занимает концепция Т. Г. Винокур, с точки зрения которой термин “стилистическое значение” предпочтителен термину “коннотация”. Исследователь рассматривает коннотацию в качестве макрокомпонента или добавочного оттенка значения, соединяющего предметно-логическую номинативную информацию с коммуникативной, то есть с информацией об участниках речевого акта и их отношениях.

Материалом изучения в стилистике текста, или стилистике индивидуальной речи, является непредсказуемый и уникальный смысл художественного текста. Рассматривая акты выбора, реализованные автором, исследователи особое внимание уделяют анализу интерпретации высказывания на основе знаний интерпретирующего. И. В. Арнольд связывает явление коннотации с “условиями и участниками коммуникации,... куда входят эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты значения.... коннотация может быть окказиональной и узуальной” [6,105]. Особенность данного подхода проявляется в разграничении коннотаций и национально-культурных ассоциаций слова.

Сопоставительная стилистика, опираясь на идеи Ш. Балли, изучает типы и способы построения сообщений в двух или нескольких языках. Отсюда следует, что понимание коннотации имеет прикладной характер в теории перевода Л. С. Бархударова, Л. А. Киселева, В. Н. Комиссарова.

Рассмотрев основные стилистические направления, можно резюмировать, что особенностью данных подходов является не исследование элементов языка как таковых, а их выразительного потенциала в контексте — стилистической функции. Использование в разных стилистических концепциях терминов “экспрессивность”, “стилистическое значение” вместо традиционного “коннотация” объясняется тем, что, формируя термин, исследователи берут за основу различные признаки одного и того же явления. Следовательно, стилисты рассматривают коннотативный компонент как прагматически ориентированный, участвующий в выборе языковых средств и образовании различных стилистических приемов. Наиболее значимым в стилистике, по нашему мнению, является понимание коннотации в качестве части семантической структуры языковой единицы, которая основана на оценке, обладает воспроизводимостью в определенных условиях, а также связана с понятием субъекта речи.

Собственно лингвистическое, или семасиологическое, ответвление коннотативных исследований представлено разнородным пониманием сути исследуемого феномена. Подобно описательной стилистике, в семасиологии изучаются различные средства выражения коннотации. Но, в отличие от стилистов, семасиологов интересуют способы, механизмы создания такого “добавочного

значения” лексических единиц, его место в типологии значений, системообразующие связи единиц с экспрессивно окрашенным значением. Традиция рассмотрения коннотации в рамках системного описания значения, где ей отводится роль, лишаящая ее номинативной самостоятельности, заложена в трудах академика В. В. Виноградова. Он приравнивает экспрессивное значение слова к экспрессивно-синонимическому, которое может быть выделено через семантически основное слово синонимического ряда. Таким образом, В. В. Виноградов рассматривает коннотацию относительно доминанты парадигматического ряда. Недостатком семасиологических исследований начала и середины 20 столетия является исключение из объекта лингвистического анализа семантики прагматических факторов, поэтому дальнейшая разработка проблемы коннотативного значения ориентирована на коммуникативную функцию, антропоцентрическую парадигму языка, глубину когнитивной интерпретации и учет субъективных моментов.

Семасиологи, узко рассматривающие коннотативный компонент (Д. Н. Шмелев, В. Н. Шаховский), предпочитают называть его “эмоциональным наслоением”, “эмотивом”, — сознанием, сопутствующим основному логико-предметному компоненту значения. Коннотативной считается единица, в семантической структуре которой имеется либо эмотивно окрашенная сема, либо сема эмотивно-субъективной оценки.

В других теориях коннотация интерпретируется как психологическая категория: “потенциальная ассоциативная энергия слова” у В. В. Виноградова, “семантическая ассоциация” у Ю. Д. Апресяна. Сходные взгляды высказывают И. А. Мельчук, Л. Н. Иорданская. По мнению исследователей, коннотация представляет собой несущественные, но устойчивые признаки выражаемого словом понятия, которые воплощают узаконенную в данной среде национально-культурную оценку объекта действительности, не входящую непосредственно в лексическое значение слова. Это могут быть образные основания для вторичных номинаций, возможной материализацией которых являются переносные значения, метафоры, сравнения, фразеологические единицы и определенные типы синтаксических конструкций [7,157]. Изложенная концепция “семантических ассоциаций” имеет, на наш взгляд, несколько спорных моментов. Это прежде всего исключение коннотации из структурных составляющих лексического значения и признание ее исключительно окказионального характера.

Г. В. Колшанский, понимая значение как сумму контекстов употребления языковой единицы, определяет коннотацию следующим образом: “оттенки, которые возбуждают у читателя ассоциации различного характера — эмоционально-положительные, отрицательные и так далее” [8,50]. Для описания коннотации исследователь использует классификацию В. Фляйшера: 1) коннотации, связанные с типичными ассоциациями (восприятие слова и его образа); 2) коннотации, требующие достаточно широкого контекста для однозначного восприятия, так называемые “идеологемы”; 3) коннотации субъективного свойства, или индивидуальные; 4) текстовые коннотации [8,51]. Идентификация явления коннотации и эмотивной окраски — своеобразно интерпретируемых ас-

социаций — представляется нам недостаточной для описания такого многопланового явления. Мы также не согласны с автором данной трактовки по вопросу определения статуса коннотации в структуре лексического значения (семантический оттенок) и рассмотрим этот вопрос ниже.

Широкое понимание коннотации отражено в работах Е. И. Шендельс, В. И. Говердовского, Н. Г. Комлева. Психологический оттенок имеет трактовка коннотативного компонента у Н. Г. Комлева: “Коннотация не выражена эксплицитно, это — семантическая модификация значения, включающая в себя совокупность семантических наслоений, чувств, представлений о знаке. Она не является элементом материальной структуры знака, ее компоненты создаются в процессе восприятия слов-знаков” [9,108]. Ученый отмечает, что коннотация выводится из неопределенного множества употреблений словоформ, имеющих определенную нейрофизиологическую базу их закрепления в мозгу человека. Н. Г. Комлев предлагает систематизацию качественно различных сфер порождения коннотации, которые могут быть связаны: с индивидуальным опытом, чувством, культурой, компонентом поля, уровнем знаний, мировоззрением говорящего. Л. А. Новиков, критикуя данную классификацию, отмечает, что компоненты поля, уровень знаний, мировоззрение присущи знаку в системе, а не возникают в акте речи. В представленном описании подчеркивается имплицитность и прагматическая направленность коннотации, но, на наш взгляд, неудачно обозначена попытка объяснить ее суть (семантическая модификация значения), так как сама денотативная часть значения остается неизменной, скорее уходит на второй план, а коннотативные семы занимают вершинную позицию.

Е. И. Шендельс считает, что коннотация “охватывает всю информацию... сверх денотативного содержания... это субъективные наслоения разного рода: экспрессивность, или интенсификация каких-то значений, грамматическая образность (метафоричность) и др.” [10,35]. В. И. Говердовский отмечает, что сфера коннотации в лингвистике значительно расширилась: она вышла за пределы экспрессивно-оценочно-стилистических рамок и включает социально-политические, эстетические, этнографические и культурологические понятия. Представленные понимания явления коннотации сродни точке зрения Л. Блумфилда, который включает в нее все субъективные моменты, смешивая при этом лингвистические и экстралингвистические моменты, но не отражает необходимых характеристик исследуемого феномена.

Приведенным трактовкам коннотации противостоят концепции, согласно которым данная сущность является прежде всего макрокомпонентом значения номинативных единиц. Этот подход характерен для лингвистов, занимающихся проблемами лексической номинации: Э. С. Азнауровой, В. Г. Вариной, В. Н. Телия. “Под коннотацией в целом нами понимается любой прагматически ориентированный компонент плана содержания языковой сущности (морфем, слов, фразеологизмов и отрезков текста), который дополняет денотативное и грамматическое их содержание на основе сведений, соотносимых с прагматическими факторами разного рода: с ассоциативно-фоновым (эмпирическим,

культурно-историческим, мировоззренческим и тому подобным) знанием говорящих на данном языке о свойствах или проявлениях обозначаемой реалии либо ситуации, с рационально-оценочным или эмоционально-оценочным (эмотивным) отношением говорящего к обозначаемому, со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи или сферу языковой деятельности, социальные отношения между участниками речи, ее формы и т. п.” [11,107]. Это такой синтез информации в значении номинативных единиц, который содержит в себе сведения, создающие экспрессивный эффект. Причем языковые единицы с узואльно закрепленными коннотациями, являющиеся результатом вторичной номинации, считаются только прагматическими “полуфабрикатами” [11,108]. Реальная же актуализация подобных коннотативных сем наблюдается в процессе коммуникативного акта. В определении В. Н. Телия представлены основные характеристики исследуемого понятия: учитываются единицы — носители коннотации, характер ее соотношения с другими компонентами значения — “дополнение, созначение”, а также компонентный состав коннотации и ее прагматическая ориентированность. В пользу приведенной трактовки свидетельствует и факт четкой определенности в решении вопроса о статусе коннотации в структуре лексического значения — макрокомпонент. Несмотря на то, что в современной лингвистике не проведено разграничения терминов “макрокомпонент” и “оттенок значения”, мы вслед за Д. Н. Шмелевым, считаем оттенок минимальным семантическим компонентом (семой), который ясно осознается носителями языка. К недостаткам данной дефиниции можно отнести громоздкость, некоторую расплывчатость, обусловленную широтой понимания ассоциативных источников коннотации, что, однако, не мешает нам принять ее в качестве рабочей.

В. Н. Телия выделяет два типа коннотаций. Первые, социально значимые, так называемые “идеологемы” упоминаются в классификации В. Фляйшера. Они привязаны к определенным политическим периодам жизни общества, могут быть узואльными на какой-то период, но скорее всего не закреплены за значением и принадлежат тексту. Вторые, культурно-национальные.

Представители сравнительно молодого направления в лингвистике — лингвострановедческого рассматривают коннотацию в русле своего видения. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, исследуя структуру лексического значения, отмечают, что она не исчерпывается “понятийными семантическими долями”: вокруг каждого слова складывается целый ореол всевозможных сведений. Исходя из этого, ученые используют термин “лексический фон”, под ним понимается “вся совокупность непонятийных семантических долей, относящихся к слову” [13,43]. Такое определение в дальнейшем стало предметом критики А. Н. Крюкова, который выделяет другие единицы, несущие информацию о лексическом фоне. Она содержится не в виде коннотативных семантических долей слов и словосочетаний, а в форме многочисленных логических импликаций и пресуппозиций. Далее мы рассмотрим соотношение этих явлений. Взгляды Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова до недавнего времени отражали исследование идеологического аспекта русской лексики и фразеологии, воплощен-

ного в наименовании “язык советской эпохи”. Появление новых областей знания (когнитивность, прагматика) кардинально изменили позиции лингвострановедения, привлекая внимание ученых к антропоцентрическому фактору и связи языка с культурой народа.

Особенно актуальным данный подход стал с развитием новой отрасли языкознания — лингвокультурологии, возникшей на основе этнографии, семиотики, психолингвистики, лингвистики, культурологии и исследующей проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Истоки лингвокультурологии наблюдаются в трудах А. А. Потебни, Э. Сепира, Л. Вейсгербера, Н. И. Толстого, Г. В. Степанова, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана. Главные постулаты теории лингвокультурологии базируются на идее Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова о признании кумулятивной и прагматической функций основными функциями языка: языковые единицы могут служить средством хранения и источником культурно значимой информации. Лингвокультурология, по мнению В. Н. Телия, призвана на современном этапе исследовать и описать взаимодействие языка и культуры не столько в его этнических формах, как это принято в этнолингвистике, сколько в формах национальных и общечеловеческих культур в определенный синхронный период этого взаимодействия. Под синхронными срезами здесь понимаются определенные периоды жизни народа в целом или каких-либо его социальных групп, оказавших заметное воздействие на формирование ментальности народа. Такая информация содержится в языке имплицитно, зачастую не осознается средним носителем языка. В связи с этим одной из задач лингвокультурологии является изучение способов кодирования и интерпретации национально-культурной информации в языке.

Многочисленные лингвокультурологические исследования классифицируются в зависимости от предмета рассмотрения, а также методов одной из гуманитарных наук, ставших исходной основой лингвокультурологического направления. Так, в фокусе исследований В. М. Шаклеина оказывается художественный текст, репрезентирующий определенный лингвокультурный срез. Но вопросы изучения коннотации в теории В. М. Шаклеина не представлены. Близкой по предмету рассмотрения к изложенной теории является концепция В. Г. Костомарова и Н. Д. Буровиковой, в которой выделяются разноуровневые лингвострановедчески ценные единицы — логозпистемы. К ним относятся слова, фразеологизмы, прецедентные тексты, овладение которыми в совокупности обеспечивает успешный диалог культур.

В. В. Воробьев предлагает исследовать единицу лингвокультурного поля — лингвокультурему, которая представляет собой удвоенное образование, имеющее собственно языковое и культурологическое содержание, в трех семиотических аспектах: 1) семантике, которая отражает одновременную направленность к языку и к соответствующим классам реалий; 2) синтактике, указывающей как на их валентность, так и на их использование в практике; 3) прагматике, которая проявляется в стилистическом и коннотативном аспектах, а также как фактор воздействия внеязыкового характера [14,41]. Разрабатывая методо-

логический аппарат лингвокультурологии, исследователь ограничивается в описании коннотации лишь указанием условий ее появления — особой “культурной коммуникации, которая возбуждает у носителя языка устойчивую сеть ассоциаций данной лингвокультуремы”. Ученый склонен связывать понятие коннотации с определенным идеологическим контекстом, установками, долговечность которых обеспечивает активность данных коннотаций. Вопросы исследования коннотативного компонента в теории В. В. Воробьева являются периферийными. Мы не согласны с автором данной концепции, абсолютизирующим идеологический аспект возникновения коннотации.

Исследуя коннотацию в рамках теории номинации, В. Н. Телия занимается, прежде всего, выявлением технологии воплощения культурного концепта в содержание фразеологизма. В результатах исследования проблемы нельзя не увидеть влияния психолингвистической теории образа А. А. Потемни, так как средством воплощения национально-культурной информации служит образное основание языковой единицы, а способом его экспликации является интерпретация в “знаковом культурном пространстве” данного языка, которое имеет свои когнитивные источники — стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и тому подобные знаки. В качестве одной из гипотез своей теории исследователь выдвигает тезис о том, что носители языка более или менее осознанно владеют знанием прецедентных текстов или языковых сущностей, служащих источником интерпретации, но им зачастую не известны историко-этимологические мотивы коннотации. Категоризуется данная имплицитная информация в языковых понятиях — компонентах коннотации, организованных посредством образного основания.

Литература

1. Милль Д. С. Система логики силлогической и индуктивной: Пер. с англ. — СПб.: Изд-е книгопродавца М. О. Вольфа, 1867. — С. 252-253.
2. Sperber H. Einfuhrung in die Bedeutungslehre. — Bonn, 1923. — S. 107, 38-44.
3. Блумфилд Л. Язык: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1968. — С. 160.
4. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка: Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Иностранная лит-ра, 1960. — Вып. 1. — С. 369.
5. Балли Ш. Французская стилистика: Пер. с фр. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. — С. 128-129, 120.
6. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. — 2-е изд. — М.: Просвещение, 1990. — 105.
7. Апресян Ю. Д. Избранные труды. В 2-х т. — М.: Школа “Языки русской культуры”, 1995. — т. 2. — С. 157.
8. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. — М.: Наука, 1980. — С. 50, 51.
9. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. — С. 108.
10. Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике. — М.: Высш. шк., 1970. — С. 35.
12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и

12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и культурологические аспекты. — М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. — С. 107,108.

13. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. — М.: Русский язык, 1980. — С. 43.

14. Воробьёв В. В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. — М.: Изд-во РУДН, 1997. — С. 41.

Поступило в редакцию 05. 09. 2002